

Картер Браун

Прирожденная неудачница

Браун К.

Прирожденная неудачница / К. Браун —

Вновь лейтенанту Элу Уилеру и его бессменному помощнику сержанту Полнику приходится иметь дело с неопознанными трупами и их отдельными частями. Его шеф и коллеги своими советами только еще больше запутывают дело. Тем не менее умение сопоставить факты и рассказы свидетелей помогают Уилеру выпутаться из самых запутанных ситуаций. Несмотря на отсутствие следов, загадочные преступления будут раскрыты.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

ПРИРОЖДЕННАЯ НЕУДАЧНИЦА

КАРТЕР БРАУН

Глава 1

Входная дверь распахнулась прежде, чем я отпустил кнопку звонка. Появившаяся на пороге женщина выглядела на первый взгляд как затупленный боевой топор периода европейских войн XV века. Должно быть, время и тяжелые испытания довели ее до ручки. На вид ей было где-то около пятидесяти лет. Лицо цвета заношенной коричневой кожи с глубокими морщинами напоминало старинную карту, по которой пираты ищут золото. Голубые глаза, глубоко посаженные по обе стороны длинного заостренного носа, были удивительно живыми, а волосы до плеч – пегими, с прядями седины. Свитер и брюки в обтяжку не скрывали хорошо сохранившейся фигуры, не столько сексуальной, сколько стройной и спортивной.

– Миссис Сидделл? – спросил я и представился:

– Лейтенант Уилер из службы шерифа.

– Кто-то позвонил на рассвете, – произнесла она сухим ломким голосом. – Естественно, себя не назвал. Сказал, если я поищу вокруг бассейна, то найду что-то лично для меня очень интересное.

– И что же вы нашли?

– Почему бы вам не пойти и не посмотреть самому? Я прошел следом за ней через весь дом на выложенную кафелем террасу у бассейна.

Яркое солнце раннего утра придавало увиденному жуткий оттенок. Даже стерильно чистая вода показалась отталкивающей. Скрюченное тело лежало на боку у самой кромки бассейна, обнаженное и беззащитное. Я опустился на колени и осторожно отодвинул длинные черные волосы, скрывающие лицо. Отраженный солнечный луч ярко сверкнул на плетеной медной проволоке, глубоко врезавшейся в шею. Широко раскрытые глаза были все еще полны немого ужаса, изо рта вывалился распухший язык. Мне показалось вполне естественным вновь прикрыть все это волосами, после чего поднялся на ноги.

– Знаю ли я ее? – спросила миссис Сидделл тем же сухим ломким голосом. – Да, знаю. Знаю ли, почему ее убили? Нет, не знаю. Не виделась с ней последние полтора года. Почему убийца оставил ее труп около моего бассейна? Чтобы предупредить меня или причинить боль, а возможно, и то, и другое. – Она надолго замолчала. – У вас больше нет вопросов, лейтенант?

– Кто это?

– Кэрл, моя дочь. – Миссис Сидделл слегка шевельнула правой рукой. – Почему бы нам не вернуться в дом?

Гостиная выглядела так, будто кто-то дал полную свободу энтузиасту-декоратору. Обставлена с таким тщательным вниманием к мельчайшим деталям, что было страшно даже садиться на стул, дабы не испортить совершенство мебелировки. Миссис Сидделл направилась прямо к бару и занялась приготовлением коктейля.

– Я не так уж часто пью, – сочла она необходимым пояснить. – Во всяком случае, до завтрака, но сегодня для этого есть серьезная причина.

– Можно позвонить?

Дозвонившись до управления, я попросил дежурного офицера выслать окружного следователя из отдела убийств и ребят из следственной лаборатории. Много времени это не заняло, но, когда вернулся к бару, миссис Сидделл уже допивала второй бокал.

– Меня зовут Элизабет Сидделл, – сказала она. – Вы что-нибудь слышали обо мне?

– Нет, – честно признался я.

– Не буду надоедать вам подробностями из моего нелегкого детства, – продолжила она. – В пятнадцать лет убежала из дома в Денвере, оказалась в Лос-Анджелесе. Упорно совершенствовалась в выбранной профессии и к двадцати трем годам достигла высокого положения. – Элизабет сделала глоток из бокала. – Стала хозяйкой классного борделя.

– Хочу расспросить вас о дочери, – вмешался я.

– Сначала дослушайте, – холодно настояла она на своем. – Борделем владел синдикат, его боссы скоро поняли, что я не только способная мадам, но и не лишена мозгов, мне можно доверять. Кроме того, мои хозяева предпочитали сами не засвечиваться. Так я начала подниматься все выше и выше. Пока не стала кем-то вроде члена правления. Вышла замуж, родила Кэрол. Крах произошел в 1958 году. – Это было сказано тем же ровным голосом, без смены интонации. – К тому времени я оказалась замешанной практически во всех делах синдиката, знала людей, секретные счета, систему выплат – короче, все. Окружной прокурор выставил против нас целую команду, которая копала почти два года, прежде чем начались аресты. Мне стоило тогда только подыграть, получила бы совсем небольшой срок. Но я послала окружного прокурора с его предложением далеко-далеко и приготовилась к худшему. – Миссис Сидделл пожала плечами. – Что ему оставалось делать? Мой отказ не дал ему других имен, он полностью сосредоточился на мне. В итоге осенью 1958 года я была осуждена и вышла на свободу лишь летом 1971-го. Первые восемь лет парень от окружного прокурора как часы приходил ко мне каждую весну и осень, интересовался, не изменила ли я решение, обещал немедленное освобождение, если выдам фамилии боссов и другие нужные им сведения. Каждый раз я посылала его к черту. Он возвращался в свой кабинет, я оставалась в тюрьме. Все это время синдикат платил мне по десять тысяч долларов в месяц за мое молчание. – Она посмотрела на пустой бокал, однако не сдвинулась с места и продолжила рассказ. – Жалкий подонок – муж бросил меня, как только я попала за решетку. Перед самым арестом мне удалось отослать дочку к моей сестре в Денвер. Ей тогда только исполнилось пять лет, и все-таки было лучше уехать во избежание всевозможных неприятностей. Сестра воспитывала ее, а я не жалела денег на образование. Кэрол считала, что ее родители погибли в автомобильной катастрофе, когда она была совсем маленькой. Так все и оставалось до моего выхода на волю. А какому восемнадцатилетнему человеку понравится встретиться с матерью, отсидевшей последние тринадцать лет в тюрьме? – Миссис Сидделл тяжело вздохнула и немного помолчала, прежде чем заговорила вновь. – В жизнь я вернулась богатой. Мне всегда нравилась Калифорния, но в Лос-Анджелесе оставаться было нельзя. Переехала в Пайн-Сити, купила этот дом – в общем, устроилась. Чуть позже поехала в Денвер. Мы договорились с сестрой, что она представит меня Кэрол как дальнюю родственницу. Все прошло гладко. Я пригласила Кэрол – тогда она училась в колледже – провести у меня летние каникулы. Дочь приехала, первые три недели мы жили замечательно, но тут какой-то негодяй прислал ей бандероль – пачку газетных вырезок времен моего судебного процесса...

– И как это подействовало на Кэрол? – спросил я.

– В отчетах прессы было слишком много всякого рода подробностей. Кэрол узнала все, рыдала, визжала, пыталась меня исцарапать, наконец заявила, что я исковеркала ей всю жизнь, лишила чувства собственного достоинства и что она покончит с собой. Мне казалось, прежде чем начать ее переубеждать, ей надо дать время успокоиться. Но Кэрол не стала ждать. В одно прекрасное утро постель оказалась пустой – моя дочь исчезла. С тех пор я ни разу ее не видела, пока сегодня утром не вышла к бассейну.

– И не пытались разыскать?

– Пыталась, – вяло ответила миссис Сидделл. – Наняла детективов, которые безуспешно искали повсюду шесть месяцев. В конце концов посоветовали мне не тратить попусту денег.

– Вы сказали, что убийца оставил тело вашей дочери у бассейна, чтобы предупредить вас или причинить вам боль, а возможно, и то, и другое...

– Многие из больших боссов синдиката живы и здоровы, – пояснила она. – Даже стали влиятельнее. Может, кто-то сказал им – или одному из них, – что я могу передумать и нарушить молчание.

– В таком случае было бы проще убить вас.

– А может, они убили Кэрол совсем по другой причине, но потом решили использовать ее тело, чтобы запугать меня. Так сказать, прикончить двух зайцев одним выстрелом.

– Они? – не упустил я возможности уточнить. – Кто это они?

– Мой рот был на замке пятнадцать лет, – решительно произнесла Элизабет. – Не собираюсь менять свою позицию. И у меня есть собственные каналы, чтобы все выяснить. Сначала узнаю, кто убил Кэрол и почему, а уж потом решу, что делать. Возможно, даже назову вам кого-то.

– Послушайте, – настаивал я, – вашу дочь убили, и вы позвонили в службу шерифа. Вы должны нам помочь.

Она приготовила себе свежий коктейль, глотнула его и только тогда ответила:

– Пайн-Сити симпатичный городок, а вы симпатичный лейтенантик, успешно справляющийся с игрушечными преступлениями, которые здесь случаются. Но тело Кэрол, брошенное у бассейна, означает, что ее убийца из гораздо более высокой лиги, чем вы могли бы себе вообразить. Так что оставайтесь на своем уровне и не беспокойте меня, пока я буду искать убийцу!

– А не слишком ли много вы на себя берете? Элизабет одним глотком опорожнила полбокала и осторожно поставила его на стойку бара.

– Пока еще ничего не беру, – пояснила спокойно. – Пока всего лишь пью, чтобы не думать и притупить боль. И это все на сегодня. А вот завтра все начнется. Сейчас вам, пожалуй, лучше уйти, лейтенант. Займитесь своими делами и дайте мне, пожалуйста, знать, когда можно будет забрать тело.

Я оставил ее в одиночестве в излишне нарядной гостиной. Что еще можно было поделаться, черт побери?! Вернулся к бассейну, к жалкому юному телу рядом с ним. Утреннее солнце не согрело его.

Док Мэрфи и Эд Сэнджер прибыли вместе через пятнадцать минут. Мэрфи раскрыл свой маленький черный саквояж и принялся за работу, а Эд смотрел на меня остекленевшими глазами.

– Знаю, у нас общество вседозволенности, каждый делает что хочет, включая старушек, – начал он потрясенным тоном. – Но выражения, которыми она нас приветствовала, открыв дверь! Никогда бы не поверил, если бы сам не слышал. Значение нескольких слов так и не понял.

– Она мать убитой, очень расстроена, – объяснил я.

– Мать? – удивленно протянул он. – Не может быть!

– Пожалуй, вам здесь нечего делать, Эд, – сказал я. – Ее, очевидно, убили в другом месте, а сюда тело просто подбросили. Но позднее мне понадобятся ее фотоснимки для опознания.

– Ох уж эти портреты из морга! – возмутился он. – Знаете, лейтенант, иногда я кажусь сам себе каким-то вампиром.

– Держу пари, вы каждый раз делаете лишний экземпляр портрета из морга для собственной коллекции, – проворчал Мэрфи, поднимаясь на ноги.

– Я теперь почти никогда не болею, – холодно заметил Сэнджер. – Стоит мне почувствовать себя неважно, тут же вспоминаю, что могу попасть в лапы доктора Мэрфи, и моментально выздоравливаю.

– Смерть от удушения, – объявил Мэрфи. – Даже такой тупой кой, как вы, Уилер, мог бы догадаться. Она мертва уже шесть часов, – он взглянул на свои часы, – значит, смерть наступила около двух часов ночи, плюс-минус полчаса.

– Что еще? – спросил я.

– Вскрытие покажет. Да! Она была наркоманкой. Масса следов от инъекций на внутренних сторонах бедер.

– Когда закончите со вскрытием, снимите с нее медную удавку и приведите в порядок черты лица, чтобы Эд мог сделать снимки, – велел я нейтральным тоном.

– Вы что, некрофил? – окрысился Мэрфи.

– Нет, симпатичный лейтенантик, успешно справляющийся с игрушечными преступлениями, которые здесь случаются. Но убийца девушки из гораздо более высокой лиги, чем я могу вообразить, поэтому не стоит беспокоить ее мамашу, пока она будет заниматься этим делом и не найдет убийцу своей дочери.

Эд с видимым усилием захлопнул отвалившуюся челюсть.

– Прямо так и сказала?

– И была права, – хмыкнул Мэрфи. – За исключением того, что вы способны справляться с игрушечными преступлениями, которые здесь бывают. У моей жены пару недель назад украли поддельное жемчужное ожерелье. До сих пор не нашли!

– Верните ожерелье, Эд, – наказал я. – Жемчуга не в вашем стиле.

Но Сэнджер был настолько погружен в свои мысли, что не заметил моей ремарки.

– Прямо так и сказала?! – восхищался он вслух. – Вот это мамаша!

– Да, хороша, – буркнул Мэрфи. – Труповозка вот-вот подъедет. Хотите, чтобы я занялся телом, Эл?

– Спасибо. А когда Эд сможет сделать снимки?

– Около полудня. Пусть позвонит мне в окружную больницу.

– Может, сфотографировать здесь, Эд? – спросил Сэнджер. – Прежде, чем эти зомби увезут ее?

– Пожалуй, – согласился я. – И мать снимите тоже.

– Черт возьми, но как же мне подобраться к ней? – беспокоился он. – Она наверняка схватит кухонный нож и лишит меня потомства!

– А вы с ней не разговаривайте, – устало посоветовал Мэрфи. – Наставьте на нее камеру, щелкните – и бегом прочь. Правильно, Эл?

– Правильно, – отреагировал я.

– Тоже хочу быть лейтенантом из отдела убийств, а не сержантом из криминалистической лаборатории, – заныл Эд. – Мог бы слоняться, ничего не делая, посылать своих подчиненных на верную смерть!

– Как вы думаете, у Эда действительно комплекс неполноценности? – спросил я у Мэрфи.

Но эту тему нам не пришлось развивать, ибо раздался громогласный окрик:

– Лейтенант!

Мы все трое замерли, пригвожденные к месту мощью децибел ее голоса. Когда я смог наконец повернуть голову, то увидел на краю выложенной кафелем террасы миссис Сидделл.

– Не пора ли вам убраться отсюда, а то вы уже превратили мой дом в свой мерзкий кабинет! – завопила она. – Тут какой-то идиот хочет поговорить с вами по телефону.

– Спасибо, миссис Сидделл, – робко поблагодарил я.

– Дошло до того, что уже не можешь напиться в собственном доме, без конца отрывают от дела! – Слегка покачнувшись, она повернулась к нам спиной и исчезла.

Когда я вошел в гостиную, Элизабет уже была у бара, готовя очередной коктейль.

– Это Вилсон, лейтенант, – ответил мне голос на другом конце провода, – дежурный. – Он нервно засмеялся. – Кажется, у вас сегодня хлопотливое утро.

– В чем дело? – рявкнул я.

– Только что сообщили еще об одном убийстве, – доложил он. – Или, самоубийстве. Позвонившая дамочка все время путалась. Это за городом, на озере. Последний дом по приозерной дороге. Ее зовут Зана Уитни.

- Кого, труп?
- Да нет, дамочку, сообщившую об убийстве. – Он надолго замолчал. – Может, это все-таки самоубийство?
- Судя по фактам, которые вы собрали, это очередное висячее дело, – проворчал я, вешая трубку.

Глава 2

Мирная глубокая синева озера манила к себе, чего нельзя было сказать о бассейне у дома миссис Сидделл. Я поставил мой “остин” перед каркасным домом, изображавшим из себя бревенчатую хижину, и вышел из машины. Парадная дверь хлопнула, и через пару секунд на меня обрушился ураган женских рук и ног.

– Как приятно видеть человеческое существо, – пищал голосок в левое ухо в то время, как руки все крепче обвивали мою шею. – Думала, сойду с ума, одна в доме с этим ужасным трупом на полу, да кругом еще столько кровищи! Суший кошмар! – Девушка конвульсивно содрогнулась, и ее полные груди, явно не стесненные бюстгалтером, плотно прилипли к моему телу. – Кажется, моя подруга Диана права: ничто во всем мире не сравнится с телесным контактом! – Она слегка отклонила голову назад, и я смутно разглядел большие синие глаза. – А вы кто?

– Лейтенант Уилер из службы шерифа.

– Прекрасно, – тепло сказала она. – Я ожидала целый автобус копов в мерзкой синей форме, с воющими сиренами. Вы – намного приятнее!

Наконец я ухитрился отцепить ее руки от моей шеи и сделал быстрый шаг назад. Девушка оказалась высокого роста, с роскошной фигурой, от пропорций которой просто перехватывало дух. Волосы цвета белого итальянского вина, очень коротко подстриженные, повторяли контуры головы. Широко расставленные темно-синие глаза были под стать озерной глади; короткий нос служил одной цели – подчеркнуть щедрость широкого рта. И верхняя и нижняя губы – одинаковой чувственной полноты.

Тончайшая белая шелковая блузка выгодно оттеняла спелость груди, и сквозь ткань отчетливо вырисовывались темные круги крупных сосков, так что не оставалось ни малейших сомнений, что под блузкой – обнаженное тело. Коротенькие белые шорты из эластичной ткани облегли бедра так, что казалось, ткань может лопнуть в любой момент. В результате все укромные уголки тела получились бесстыдно выставленными на обозрение. Добавьте сюда голые, загорелые ноги безупречной формы – и вы поймете мое состояние.

– Так вы Зана Уитни? – каркнул я.

– Вы наверняка слышали о моем отце – Стюарте Уитни, – самоуверенно заявила она. – Представляете, как это происшествие взбесит его? Какой-то убитый в нашем коттедже! Побystрее разберитесь с этим делом, пока он не вернулся из Лос-Анджелеса, а то как бы вам не оказаться рядовым копом в синей униформе!

Я порылся в кармане пиджака, нашел пачку сигарет, достал одну и закурил.

– Они же вредны для здоровья, – сказала Зана прокурорским тоном. – Разве вы не знаете? Травка намного лучше.

– Ну вот теперь знаю – вы не плод моего воображения, – сказал я. – Никакой плод моего самого воспаленного воображения не мог бы брякнуть такого.

– Уверена, плод вашего воспаленного воображения уже давно сорвал бы с себя все одежды и брякнулся на спину с улыбкой, дающей зеленый свет, – небрежно парировала она. – Я уже давно убедилась: любое мужское воображение автоматом работает только в этом направлении, его совсем не нужно воспалять. Вероятно, у вас слабовато с воображением, поэтому вам так трудно.

– Труп в доме? – промямлил я.

– Где же ему еще быть, черт побери!

– Надо пойти взглянуть на него, – надеюсь, он не из болтунов.

– Я подожду здесь, пока вы закончите. Боже, вот будет переполох, когда отец услышит об этом! – Зана некрасиво содрогнулась. – Наверняка натравит на вас всех собак Пайн-Сити.

– А что он делает в Лос-Анджелесе? – разозлился я. – Торгует травкой, которую вы не успели докурить?

– Будьте уверены, я повторю ему то, что вы сейчас сказали, – язвительно бросила она.

– Сейчас подъедет еще пара удалцов, – предупредил я. – Вы с ними поосторожнее! Тот, что с камерой, промышляет грязными снимками для порножурналов, а второй – специалист по абортам.

"Ну вот, теперь дока Мэрфи и Эда Сэнджера ждет теплый прием", – с надеждой подумал я, направляясь в дом.

В элегантной, дорого обставленной гостиной труп выглядел совершенно неуместным. Человеку, раскинувшемуся на розовом шерстяном ковре, теперь загубленном навсегда из-за лужи крови, вытекшей из раны за его правым ухом, было где-то около тридцати. Правой рукой он сжимал пистолет, в левой держал фотографию. Тщательно выбрав место розового цвета, я опустился на колени, чтобы лучше все разглядеть. На снимке оказалась Кэрол Сидделл, смотревшая в объектив с лучистой, беззаботной улыбкой. Любой полицейский вам скажет, что совпадения имеют место в большинстве преступлений, но у меня не было сомнений – здесь совпадением и не пахло.

Я поднялся, осмотрел комнату. На одном из бархатных кресел лежал лист бумаги, и только тупой идиот вроде меня не обратил бы на него внимания в первый же момент. Записка была написана торопливым еле различимым почерком, с трудом удалось ее разобрать. В ней говорилось:

"Мне безразлично, кем была она или ее мать. А ей – нет. В результате она стала наркоманкой. Я не мог больше находиться рядом с ней, наблюдать, как она губит себя. Я убил Кэрол потому, что так было лучше, и вернул ее матери – этой стерве, убившей ее раньше, чем мы встретились. Хотел бежать, но нет сил. Зачем мне жить дальше? Сожалею о беспорядке в гостиной, но, похоже, владелец дома достаточно богат, уборка не будет для него проблемой. Не указываю моего имени, так как я уже давно никто и мой последний поступок – не лучшее, что я совершил в жизни".

Записка скорее напоминала вступление к роману под названием "Жизнь мистера Икс и его время", чем предсмертное послание.

Осмотрев другие комнаты и не найдя в них ничего интересного, я вернулся в гостиную как раз к прибытию отряда вампиров.

– Ну это уж слишком! – воскликнул с изумлением Эд Сэнджер. – Сначала старуха, которая употребляет слова, об истинном значении которых я по молодости лет даже не догадываюсь! Теперь эта сумасшедшая блондинка...

– Явно без бюстгальтера, – подсказал Мэрфи со счастливым видом.

– Которая сразу начала орать, что если я попытаюсь ее сфотографировать, то она все расскажет своему папочке, а тот прикажет прогнать меня сквозь строй по главной улице или что-то в этом роде! – Эд задумчиво покачал головой. – Скажите мне только одно, лейтенант, как случилось, что сегодня утром мир полон сумасшедших?

– Кстати, Эл, – приторным тоном промолвил Мэрфи, – кто это ей рассказал о любителе порнографии и специалисте по абортам?

– Передача мыслей на расстоянии. Каким-то образом электромагнитные волны, сдерживавшие ваши тайные мысли в черепах, внезапно отказали. – Я сочувственно улыбнулся. – И теперь ваши сокровенные мечты передаются напрямую любому, стоящему рядом с вами. Вот так блондинка и узнала, что вы, Эд, тайно мечтаете о порнографических снимках, а док просто жаждет стать специалистом по абортам.

– Вся проблема в том, – ласково заметил Мэрфи, – что Уилеру совершенно безразлично, откажет его электромагнитная защита или нет. Он уже ухитрился осуществить все свои мечты. Ему уже удалось стать и сердцеедом, и алкоголиком, и завзятым лжецом.

– Ну ладно, хватит болтать! – сказал Сэнджер. – Кто этот парень на полу? Ваш друг, лейтенант?

– Вполне возможно. Рассмотрите его хорошенько, а потом почитайте записку на кресле. – Улыбаясь, я повернулся к Мэрфи. – И вы тоже, док. Будьте моими гостями.

Мэрфи поднялся с колен, затем они оба последовали моему совету – занялись чтением.

– Счастливчик, – проворчал док. – Ваше дело с убийством можно считать закрытым. Я взглянул на часы.

– Сейчас только четверть девятого утра. Прямо не знаю, что делать весь оставшийся день.

– Только ради Бога, не надо больше трупов! – взмолился Мэрфи. – Парни в белых халатах, которые ездят на труповозке, уже начали косо на меня поглядывать.

– Снимки нужны? – деловым тоном спросил Эд.

– Да, конечно! Сделайте хороший портрет для опознания. Также нужен баллистический отчет о пистолете, и о пулях тоже. – Я бросил взгляд на Мэрфи. – Необходим детальный анализ следов пороха на голове парня. И не нужно гримировать лицо девушки для фото. Эд сделает несколько копий с карточки, которую этот парень держит в своей холодной лапке. Эд, поторопитесь со снимками обоих трупов, а вы, док, давайте пошустрей со вскрытиями.

– У меня уже налажен серийный выпуск, – проворчал он. – В морге только нажимают кнопку – и труп по конвейеру через десять секунд поступает на операционный стол в окружную больницу. А там ваш покорный слуга с четырьмя скальпелями в каждой руке...

– Вы считаете, это не самоубийство? – спросил Эд. Запоздалый вопрос объяснял, почему он до сих пор ходит в сержантах.

– Странная записка. Будто он собирался участвовать в литературном конкурсе. – Я кивнул на труп, лежавший на полу. – Вам не кажется, что улики многовато? В левой руке фото жертвы, правой нажимает на спуск пистолета, прижатого к собственному виску. И потом, с каких это пор самоубийцы ложатся на розовый шерстяной ковер, прежде чем застрелиться?

– Все когда-нибудь случается впервые, – мудро заметил Эд.

– Может, он стоял, а потом упал навзничь на ковер? – предположил Мэрфи.

– И рана не кровоточила, пока он не упал? – рявкнул я. – И еще, вы когда-нибудь слышали о самоубийце-инкогнито?

– Принимайся за снимки, Эд! – посоветовал Мэрфи. – А то Уилер в таком настроении, что как бы не вырвал у вас камеру и не врезал вам ею пару раз по голове. – Док тяжело вздохнул. – По-видимому, смерть наступила около четырех утра. Если моя оценка смерти девушки около двух часов утра верна, то все очень хорошо стыкуется.

Переждав, пока Эд Сэнджер ослеплял нас фотовспышкой, я забрал фотографию Кэрол Сидделл из руки трупа. На обороте стоял штамп фотоателье “Питс Супер-Пике” с адресом в центре Пайн-Сити.

– У вас сегодня счастливый день, Эл, – заключил Мэрфи, заглядывая через мое плечо. – Утро еще толком не наступило, а в руках уже такая улика!

– Не лезьте не в свое дело, – огрызнулся я. – Может, вам нужны очки?

– Да, он стал носить очки, – радостно вмешался Эд. – С тех пор, как, делая операцию аппендицита, сослепу отрезал бедному пациенту правую ногу.

– Мне надо поговорить с блондинкой, – сказал я. – После вас, двоих идиотов, приятно будет иметь дело со здравомыслящим человеком.

Блондинка с выражением нетерпения на лице стояла прислонившись к моей машине, скрестив руки под полной грудью.

– Кажется, я недостойна вашего внимания, – пожаловалась она. – Видимо, живые люди не интересуют копов. Можно просто умереть от шока, а вы и эти два кретина бросили меня на произвол судьбы, пялите глаза только на труп!

– Все заняты делом, – заверил я ее. – У фотографа специальный рентгеновский объектив, делающий одежду невидимой. Он как раз снимал вас через окно для своего порножурнала. А второй склонял меня к изнасилованию, чтобы позднее предложить свои услуги.

– Верю! – согласилась она. – Но все-таки следовало уделять мне побольше внимания. В конце концов, я ваш главный свидетель, не так ли?

– Не уверен насчет свидетеля, но, несомненно, в этом деле вы играете важную роль. – Оглянувшись вокруг, я насчитал всего три автомобиля: мой собственный, Сэнджера и побитый фургон дока Мэрфи. – Коттедж принадлежит вашему отцу?

– Да, – кивнула Зана Уитни. – Нас здесь не было несколько недель. А сейчас я хотела отдохнуть денек, искупаться, немного позагорать...

– Вы пришли сюда пешком?

Она возмущенно посмотрела на меня.

– Терпеть не могу копов! Моя подруга Диана подвезла меня сюда около восьми утра.

– Диана? – заинтересовался я. – Та самая, которая считает, что в целом мире нет ничего важнее телесного контакта?

– Она самая. Моя старая подруга по колледжу.

– У вас не было с собой никакого багажа?

– А что мне нужно? Здесь полно выпивки и консервов.

– Может, купальный костюм?

– За домом лужайка на берегу озера. Место очень укромное. Обожаю загорать голышом.

– Надо бы почаще приезжать на озеро, прихватив с собой бинокль, – мечтательно произнес я.

– Вы сейчас поедете в город?

– Да.

– Подвезите меня. Все равно весь день пропал.

– Где вы живете?

– Санрайз-Драйв, Вэлли-Хейтс.

– Наверняка в огромном доме?

– Всего пять ванных комнат, – ответила она холодно. – Но папа любит называть его домом.

– Высажу вас в центре.

– Если не довезете меня до дому, а папа узнает об этом, горько пожалеете!

– Стюарт Уитни? – Спросил я. – Кажется, что-то слышал о нем. Он мэр города и владелец Сити-Холл?

– Мой отец, возможно, богатейший человек в Пайн-Сити, – отрезала она.

– Ворочает колоссальными делами в Лос-Анджелесе. Но живет в этом захолустном городишке, потому что здешняя мирная жизнь контрастирует с суетой Лос-Анджелеса. Однако может купить и продать всю эту деревню на мелочь из заднего кармана брюк. И, несмотря на все свое богатство, ухитрился правильно вас воспитать, – заключил я с восхищением. – Достаточно одного взгляда. Простая неиспорченная девушка, из которой так и прет природный шарм.

Она села рядом со мной в “остин”, возмущенно хлопнув дверцей. Раздался звук, как при переходе самолета через звуковой барьер, и я испугался, как бы не развалился мой драндулет.

– Когда папа разделается с вами, Сквилер, или как там вас зовут, вы окажетесь на месте постового автоинспектора по ту сторону Лысой горы!

Глава 3

Фотоателье “Питс Супер-Пике” находилось в маленьком переулке между Четвертой и Пятой улицами и выглядело так, будто последние двадцать лет туда никто не заглядывал. Небольшая витрина была переполнена фотографиями, обессмертившими основные моменты жизни местных жителей: венчание, получение аттестатов зрелости и остальное в том же роде. Когда я открыл дверь, звякнул колокольчик, и уже через двадцать секунд фотограф стоял за прилавком. Он выглядел на все семьдесят – лысый, морщинистый. А благодаря очкам в стальной оправе напоминал типичного героя старых фильмов, которые показывают по телевизору каждую ночь.

– Пит? – произнес я вопросительно.

– Меня зовут Арчи, – хрипло ответил он. – Пит умер десять лет назад.

Я показал ему мой полицейский значок, представился и предъявил снимок Кэрол Сидделл. Он, хмыкая, долго смотрел на него, потом пожал плечами.

– На обратной стороне наш штамп, значит, снимок наш. Но я ее не помню, а ведь хорошенькая, не так ли?

– Так.

– Могу проверить по книгам, лейтенант. Но придется подождать.

– Подожду, – согласился я.

Через пять минут Арчи вернулся с победоносным выражением лица.

– Вот здесь все записано. – Он бросил потрепанную амбарную книгу на прилавок. – Снимок сделан около пяти месяцев назад. Точнее, десятого марта. Она заказала всего пару копий, видимо, портрет ей не понравился. А мне кажется, удался.

– Адрес записан?

– Вот он. – Указательным пальцем правой руки старый фотограф повел по странице книги. – Зана Уитни. Санрайз-Драйв, Вэлли-Хейтс.

– Так и записано? – с трудом вымолвил я.

– Конечно! – Он холодно посмотрел на меня поверх очков в стальной оправе. – Вы что думаете, я не умею читать?

– Но вы уверены, что это ее адрес? Там не могли быть перепутаны номера заказов или что-то еще? Нет ли имени Кэрол Сидделл на той же странице?

Его указательный палец старательно прошелся по всем строчкам. Потом Арчи уверенно потряс головой.

– Нет, сэр. Я всегда тщательно слежу за номерами. Клиенты просто сходят с ума, если дать им не их фотографии. Воспринимают это как личное оскорбление.

– Вы сами делаете снимки?

– А кто же еще? – На его лице появилось неподдельное удивление. – Кроме меня, здесь никого нет, да и я с трудом зарабатываю на пропитание.

– Вы совсем не помните девушку?

– Никогда их не запоминаю, – ответил фотограф решительно. – С какой стати? Они же не помнят меня?

Я протянул ему свою визитную карточку и попросил позвонить, если он что-нибудь вспомнит об этой клиентке. Арчи согласился, но без всякого энтузиазма – видно, наши с ним настроения совпадали.

Аннабел Джексон, личный секретарь шерифа, гордость южных штатов, потрясающая красotka, одарила меня лучистой улыбкой, когда я вошел в офис. Она была одета в веселенькое цветастое платьице, которое, казалось, приклеилось к ее незабываемым формам. Я сообразил, что это будет мини-платье, если она встанет на ноги, но сейчас, когда Аннабел сидела, скрестив ноги, оно выглядело микро-мини.

– Боже! – воскликнула личный секретарь шерифа. – Какая ранняя пташка! Что случилось, лейтенант? У вас бессонница или кутили всю ночь, как всегда?

– Вчера вечером сразу сказал ей, что между нами все кончено, – ответил я. – Но она не хотела верить. И последующие восемь часов провела передо мной на коленях, умоляя ее не бросать.

– Как ее зовут? – подозрительно спросила Аннабел.

– Рашель, а дальше не помню, – пожал я плечами. – Разве это важно?

– Вера в собственные фантазии – первый признак старческого слабоумия, – заметила она самодовольным тоном.

– А что случилось с вами сегодня утром? – Я разглядывал ее с откровенным интересом. – Вы, видимо, проспали?

– С чего вы это взяли?

– Вам не кажется, что вы кое-что забыли?

– Что же, например?

– Кофточка на вас просто великолепная, – продолжил я невинным тоном. – Но к ней не помешало бы что-нибудь еще, юбка например.

Аннабел сделала попытку опустить платье ниже, но безрезультатно. Блеск ее глаз принимал все более гневный оттенок, она сделала вид, что пытается схватить тяжелую стальную линейку, лежащую на столе. Мне стало ясно, что пора убираться, пока не получил этой линейкой по шее.

Шериф Лейверс сидел в кабинете, окруженный плотными клубами темно-синего дыма. Кто еще в десять часов утра будет курить огромную толстую сигару, как не огромный толстый окружной шериф? Когда он взглянул на меня, количество его подбородков еще увеличилось, а заплывшие жиром глаза совсем исчезли из виду. Видно, Лейверс был не в лучшем настроении, чем я.

– Что с ним? – гавкнул он.

– Что с кем? – осторожно спросил я.

– Со вторым.

– Может, мне выйти, потом еще раз зайти и мы начнем все сначала? – предложил я, чувствуя, как мои глаза вылезают из орбит.

– Не прикидывайтесь идиотом! – огрызнулся шериф. – Что с ним? Убийство или самоубийство?

– Думаю, убийство, но замаскированное под самоубийство.

– Почему?

– Я всего лишь простой полицейский, а вовсе не ясновидец, – произнес я скромнейшим тоном.

– Вы льстите самому себе! – Он пошевелился в кресле, которое издало протестующий треск. – Хотите сказать, что у нас с утра уже два убийства?

Пришлось все подробно рассказать, но при этом меня преследовало неприятное чувство, будто я перестал верить сам себе. Несколько минут Лейверс сидел с ошеломленным видом, затем медленно мигнул.

– Хотел бы уточнить пару моментов, – наконец сказал он сдавленным тоном. – Эта миссис Сидделл не нуждается в защите закона, хочет использовать свои связи среди лос-анджелесской мафии, чтобы найти убийцу дочери, а потом, если сочтет нужным, то от щедрот своих назовет нам его имя?

– Правильно.

– А второй труп признается в убийстве ее дочери, потом кончает жизнь самоубийством, но предпочитает сохранить инкогнито?

– Правильно.

– И по вашему мнению, его убили, но потом попытались представить это как самоубийство?

– Что-то в этом роде.

– Но вы не знаете почему?

Я осторожно присел на краешек стула для посетителей.

– Полагаю, нам нужно поднять материалы по делу миссис Сидделл в Лос-Анджелесе.

– Пожалуй, – согласился Лейверс. – В конце концов, мы должны закончить расследование по обоим этим убийствам к сегодняшнему вечеру.

– К сегодняшнему вечеру?

– Ну, к возвращению Стюарта Уитни из Лос-Анджелеса. – Он вынул изо рта наполовину выкуренную сигару, уставился на нее как на личного врага и бросил в пепельницу. – Сколько у нас девушек в Пайн-Сити? – с вызовом посмотрел он на меня. – Что-то около тридцати тысяч? Так нет же, вам нужно было обязательно связаться с дочерью Стюарта Уитни!

– Да я о нем впервые узнал сегодня...

– Вот потому-то вы никогда не станете капитаном, – отметил он. – Полное равнодушие к политике. Неужели вас ничто в жизни не интересует, кроме женщин, Уилер?

– Нет, – искренне признался я, – но я готов учиться.

– Уитни – это сбывшаяся мечта каждого мелкого бизнесмена в Пайн-Сити, – пояснил шериф. – Большая шишка в Лос-Анджелесе. С тех пор как он поселился здесь, вся местная мелочь, начиная с мэра, просто преклоняется перед ним. Стюарт Уитни может делать в Пайн-Сити все, что ему захочется. Когда Стюарт Уитни говорит, земля сотрясается, а люди внимают ему с молчаливым благоговением. Если Стюарт Уитни желает чего-то, он просто поднимает мизинец, и целая толпа прилипал, высунув язык, бросается выполнять его желания. А если случайно узнает, что дело об убийстве расследуется каким-то некомпетентным дураком, который к тому же был груб с его дочерью, – кем-то вроде вас, Уилер! – дело завтра же утром будет передано в городской отдел по расследованию убийств. Теперь можете легко догадаться, кого в следующий раз ни за что не выберут окружным шерифом.

– Вы говорите как настоящий поэт! – заметил я с восхищением в голосе.

– Этот анонимный убийца-самоубийца – жертва, – проворчал он. – Его не удалось опознать?

– Еще не знаю. Не проверял.

– Не проверял?! – Его многочисленные подбородки мгновенно приобрели ярко-красный цвет.

– А все из-за моих товарищеских чувств к сержанту Сэнджеру, – сказал я быстро. – Если не давать ему поручений, он начинает ощущать свою ненужность и расстраивается.

– Убирайтесь! – рявкнул Лейверс.

– Вы меня не поняли, шериф, – серьезно продолжил я. – Как бы вы себя чувствовали, если...

– Убирайтесь! – снова крикнул он.

Разозлить Лейверса – самый простой способ прекратить бессмысленный диалог. Я поскорее выскочил из кабинета, пока он не остыл и не начал придумывать новые дурацкие вопросы. Аннабел разгневанно посмотрела на меня поверх пишущей машинки.

– Если вы закончили вашу беседу с шерифом, пожалуй, можно вынуть затычки из ушей, – холодно произнесла она.

– Вы что-нибудь слышали о Стюарте Уитни? – небрежно поинтересовался я.

– Стюарт Уитни? – Ее лицо осветилось улыбкой. – Кто же о нем не слышал? Ведь это тот самый ужасно важный джентльмен с невероятными связями в Лос-Анджелесе, который живет в Пайн-Сити только потому...

– Да, это он, – процедил я сквозь зубы. – Вы знаете его дочь?

Она отрицательно покачала головкой цвета меда.

– Кто станет думать о дочери, если джентльмен богат, красив и к тому же вдовец?

– Да он годится вам в отцы!

– А что плохого в элегантном, утонченном пожилом джентльмене?

– Да ничего, если он – это я.

– Вам не следовало так говорить, – скривилась Аннабел. – Меня сейчас стошнит!

В кафе на ближайшем углу я выпил три чашки кофе и направился в криминалистическую лабораторию.

В белом халате Эд Сэнджер выглядел великим ученым, а я почувствовал себя невинной жертвой из фильма о сумасшедшем докторе.

– Сделал его снимок в морге, – деловито сообщил он. – Один из моих помощников как раз готовит для вас пакет фотографий.

– Спасибо, Эд, – поблагодарил я. – А как насчет девушки?

– Вы забрали с собой ее портрет, как я мог сделать копии?

– Понятно.

– Но решил, что вам срочно нужны снимки из морга, – самодовольно заявил он, – поэтому занялся ими в первую очередь. Снимки с места преступления получите к вечеру. С мест преступлений, думаю, будет точнее.

– Оpoznать труп не удалось?

– Никаких шансов, – услужливо сказал Сэнджер. – Даже этикетки с одежды срезаны.

– А отпечатки пальцев?

– Отправлены в ФБР. – Он обиженно взглянул на меня. – Знаете, лейтенант? Иногда не могу избавиться от впечатления, что вы мне не доверяете.

– Просто проверяю, – заверил я его. – Что еще?

– Еще пока не получил отчета по баллистике, они как раз проводят испытания. Между прочим, это кольт 32-го калибра, автомат.

– На нем были отпечатки?

– Только его, больше ничьих нет. На мой взгляд, пистолет очень уж чист.

– Что еще? – повторил я вопрос, потому что Эд Сэнджер не из тех, кто с готовностью расстается с имеющейся у него информацией.

– Когда док Мэрфи закончит вскрытие, надо будет хорошенько заняться медной проволокой, которой задушили девушку, – радостно заявил он. – Тут есть над чем подумать.

– А именно?

– Ну, например, если душат кого-нибудь до смерти в состоянии аффекта, обычно это делают голыми руками, не так ли?

– Пожалуй, да, – осторожно согласился я.

– Поэтому, если мужчина душил девушку, закрутив медную проволоку вокруг шеи, а затем медленно затягивает ее, он должен быть, скорее всего, садистом.

– А если одна девушка задумает удушить другую, то вряд ли сможет это сделать голыми руками, поэтому, скорее всего, воспользуется чем-то вроде медной проволоки, не так ли?

– Ну, вы настоящий телепат, лейтенант! – Эд посмотрел на меня с нескрываемым восхищением. – Просто озвучиваете мои мысли!

Глава 4

Я забрал снимки у помощника Сэнджера, покинул криминалистическую лабораторию, съел сандвич вместо позднего завтрака и раннего ленча, затем отправился в Вэлли-Хейтс. Без труда нашел нужный дом на Санрайз-Драйв, поскольку уже подвозил туда Зану Уитни раньше, возвращаясь в город.

Вилла была очень импозантная. Огромное двухэтажное здание стояло почти на самом обрыве, так что оттуда, по-видимому, открывался совершенно фантастический вид на Тихий океан. Лужайка перед домом выглядела так, будто она только что вернулась из парикмахерской, а все кустарники услужливо цвели одновременно. Я припарковал “остин” у подъезда и направился к крыльцу. Дверь мне открыли только на четвертый звонок.

Брюнетка долго мерила меня взглядом, прежде чем придала лицу недовольное выражение.

– Кого это черти принесли? – спросила она холодно. Она была примерно того же возраста, что и Зана Уитни, – около двадцати пяти, но на этом их сходство и кончалось. Блестящие черные волосы опускались на плечи этой девушки волнистой глассадой, а темно-карие глаза светились высокомерием. Гордый орлиный нос и маленький рот с припухшей нижней губой делали ее похожей на карманное издание Венеры, ростом примерно в пять футов и два дюйма, а черное бикини было настолько мало, что почти незаметно. Ее небольшая, но округлая грудь агрессивно топорщилась, так же как и лобок. Брюнетка напоминала тигрицу, которая станет по-настоящему опасной, как только подрастет.

– Я из бюро переписи населения. Мы готовим обзор сексуальной жизни людей, живущих на Санрайз-Драйв. Сколько сексуальных оргий вы посещаете в неделю? Играете ли вы в них основную роль или участвуете пассивно?

– Что? – Она, казалось, задохнулась.

– Это не ответ, – строго сказал я. – Из ста тридцати семи основных поз половых сношений назовите пять самых ваших любимых. Причем в порядке, обратном их значению для вас, и объясните причины.

– Вы что, сумасшедший? – Брюнетка еще не справилась со своим голосом.

– Это не относится к делу, – отрезал я. – Прошу вас сосредоточиться. Есть ли у вас друзья среди сексуальных меньшинств и не принадлежите ли вы к ним сами? Если так, назовите их фамилии, адреса и сексуальные отклонения в том порядке, как я сказал.

Из-за спины ошеломленной брюнетки показались Зана Уитни и какой-то незнакомец. Блондинка была в вишнево-красном бикини еще меньшего размера, чем черное бикини на брюнетке, потому что блондинки было намного больше. Незнакомец рядом с ней мне сразу не понравился. Высокий брюнет, около тридцати, с длинными волосами и пышными висячими усами. Мышцы бугрились под каждым сантиметром его бронзовой кожи, а шорты из фальшивой леопардовой шкуры могли бы обеспечить ему приз за дурной вкус в любом месте на земном шаре, даже на Майами-Бич.

– У тебя проблема, Диана? – спросил он глубоким басом.

– Здесь какой-то придурак, – ответила она. – Видимо, сексуальный маньяк!

– Он просто коп, – объяснила Зана Уитни. – Даже хуже – лейтенант.

– Лейтенант полиции? – Лицо брюнетки стало еще более ошеломленным. – Он?

– Его зовут Филер, – пояснила блондинка. – Или что-то в этом роде.

– Уилер, – проскрипел я. – Из службы шерифа.

– У вас есть удостоверение? – спросил незнакомец угрожающим тоном.

– Конечно. – Я показал ему свой значок. – А вы кто такой?

– Эрл Джемисон. Полицейский значок не дает вам права говорить сальности Диане!

Пожалуй, пора было приступить к делу. Я достал снимки мертвых девушки и парня, показал их ему.

– Узнаете кого-нибудь?

– Мы еще не закончили! – отрезал он. – Повторяю, ваш значок не дает вам права...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.